

Кузница морали

Лиам Варин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лиам Варин

Кузница морали

<https://litres.ru/74198968>

SelfPub; 2026

Аннотация

В наши дни порой хочется создать собственную игру. Игру, в которой не будет правил. В которой каждый будет «Сам за Себя». Помощь другим воздаётся болью предательства. А эгоизм лучшее, что можно предпринять, что бы выжить.

Герои должны выжить, применяя все свои навыки из прошлой жизни. Но, кажется, Ведущий не позволит так просто уйти многим.

Содержание

Акт I	4
Акт II	13
Досье: Тейн Мирон	21
Наблюдение:	23

Лиам Варин

Кузница морали

Акт I

— В сети интриг нет места бескорыстию, честолюбию и здоровым социальным связям. Что, если ложь сделает лишь лучше? Что, если правда принесёт потери? Потерю не только в социальной иерархии, но и в жизни? Вам предстоит это выяснить, мои дорогие гости. Найти ту грань, где лучше правды — ложь. И где ложь — единственная правда. От ваших выборов зависит жизнь. И от тех же выборов зависит социальная составляющая окружения. Здесь, в Кузнице, вы равны. Нет больше разделения. Вы — моё железо, из которого я выкую новых психопатов. Изощрённо и жестоко, но с толикой нежности, как к любимой вещи. Я даю вам полную свободу действий. Каждый день будет определять то, кем вы станете. То, кем сможете стать, и то, что вы готовы сделать ради свободы. Своей или, быть может, кого-то из окружающих? Откажитесь от моральных норм и нравственности. Здесь вы свободны. Никто не посмеет вас осудить. Или посмеет?

Открыв глаза, группа людей начала озираться. Воздух был влажным, пах тиной и канализацией. Стены покрыты трещинами от пола до потолка. А с низкого потолка свисала оди-

нокая лампочка. Раскачиваясь на проводе, она озаряла поочерёдно каждый уголок помещения.

Голос звучал из колонок, висящих на стене. Порой шипение и помехи врезались в голос повествователя, но тот не переставал тихо, почти убаюкивающе, рассказывать правила этой жестокой игры.

— Ох, Давин. Для тебя у меня есть отдельное задание: выясни, что скрывают другие. Здесь нет чистых. В каждом из окружающих тебя людей есть грязь. Комья или целая канава — кто знает.

Тихий смех раздался из динамика, и после — лишь щелчок, отключающий внешний мир от людей внутри. На мгновение наступила тишина. Всеобъемлющая и поглощающая.

Человек переключался между камерами в помещении. Рассматривал каждый уголок и каждое лицо. Он находил упоение в этих потерянных лицах: то, как непонимание сменялось страхом, а страх перерастал в панику. И у всех поразному. С разной скоростью, с разной последовательностью, но итог оставался один: все в помещении начинали осознавать суть происходящего.

Он взгляделся в почти незаметную фигуру мальчишки. Тот сидел на полу, облокотившись спиной на стену, и смотрел прямо в камеру. Его глаза в отсутствии дневного света были иссиня-чёрными. Он хмурил брови и что-то беззвучно шептал. То была лишь угроза, но перед его постепенно затуманивающимися глазами уже разворачивалась красивая фан-

тазия: как ржавый нож, едва касаясь кожи, оставляет на ней отметины; как те кровоточат и как стонет от боли тот, кого он сейчас ненавидит всем своим нутром. Ему нравилось представлять, как он надавит на нож сильнее, чтобы тот зацепил своими сколами кожу, и как резко дёрнет руку, чтобы оторвать лоскут — или, быть может, целый фрагмент. Нравилось смотреть, как открывается то нутро, которое принято прятать. А ведь оно так прекрасно. Всё такое живое. Он мысленно подбирал музыку, под которую будет творить своё искусство, — ведь это важный аспект его творений. С каждой мыслью глаза мальчика всё сильнее наливались кровью, а на лице появлялась улыбка: красивая, но пугающая в своей красоте. Пока это лишь шёпот в гаме голосов взрослых. Пока.

Девушка огляделась по сторонам в поисках хоть какой-то информации о том, где находится и чего ожидать. Исследовала взглядом каждую шероховатость на стенах.

«Нет окон. Совсем.»

Странное место, странные люди — и пугающее чувство опасности с головой захлестнуло в пучину отчаяния. Хотелось рвать и метать или, быть может, просто сесть и расплакаться. Но оба варианта, по мнению Давин, не подходили для текущей ситуации. Ведь ни один из них не сможет ей сейчас помочь.

Люди вокруг начинали формировать небольшие группки. Одни бурно обсуждали происходящее, стоя в блёклom свете

единственной лампочки; другие же активно спорили о том, что их ждёт и где они оказались. Третьи пытались совместными усилиями составить картину прошлого: того, как вообще они оказались в подобной клетке и что этому предшествовало.

Давин заметила медленно прогуливающегося молодого парня. Он двигался с некоторой грациозностью, словно находился не в затхлом месте, покрытом болотными разводами, а на балу. Движение — как танец среди будущих могил.

«Интересно. Он совсем не боится? Или знает что-то, чего не знают другие?»

Не отводя скошенного взгляда, но активно делая вид, что изучает окружение, девушка продолжала наблюдать. Парень прогуливался между группами, не подавая интереса ни к одному обсуждению, — но что-то занятное в нём всё же ей удалось уловить.

«Он слушает! Слушает, кто и что говорит. Хитро.»

Улыбнувшись лишь уголком губ, Давин перевела взгляд на девушку. Та тоже не выдавала какого-либо интереса к происходящему. Лишь стояла, облокотившись на стену и закрыв глаза.

Гул голосов нарастал. Волна за волной, переходили на крики. Бесцельные шаги. Чей-то смех, переходящий в слезы. «Где дверь?!» — «Никто не слышит!» — «Это ошибка!». Слова растворялись, превращаясь в давление на барабанные перепонки. Воздух дрожал. Напряжение копилось в возду-

хе. Толпа стала единым чувством бесконтрольного ужаса и страха.

Не открывая глаз, девушка рывкнула на толпу.

— Да заткнитесь вы, Боже!

Давин вздрогнула от неожиданности. Её голос эхом разносился по закрытому помещению и ощущался громче, чем должен был.

— От того, что вы тут орёте, ничего не изменится. Вы ещё не поняли? — Девушка тихо выдохнула, прижав два пальца к виску и массируя его. — Просто закройте рты и сидите смирно.

— С чего бы? Говоришь так, будто была здесь, или это вообще всё твоих рук дело?

Девушка лениво открыла один глаз, ища сказавшего взглядом, затем рассмеялась.

— Ты псих, да? О тебе говорил Кузнец? Один из тех, кто в канаву людей сбрасывает?

— Что? Что ты себе позволяешь, из ума выжила? Я...

Открыв второй глаз и оттолкнувшись от стены, девушка рывком подалась вперёд, к говорящему прерывая его тираду взглядом.

— Да мне вообще разницы нет. Кто ты и что, чел. Прими как данность. Если бы кто-то здесь шутил или если бы был хоть шанс на выход, то кто-то бы его уже нашёл, — показательно приложив ладонь к груди, она приподняла бровь, — или ты думаешь, что один тут такой умный? А может, ты ре-

шил, что все здесь собрались тебя разыграть? М?

Мужчина кипел. Его шея начинала краснеть, а руки — сжиматься в кулаки. В его голове уже мелькала мысль, как здорово было бы просто размозжить её голову об эту стену и как красиво бы капли крови рисовали историю его поступка.

— А, забей, — девушка махнула рукой и отвернулась. — Делай что хочешь. Хоть на лампе повисни. Тогда ты бы сделал всем нам одолжение. Она повернулась и улыбнулась самой очаровательной улыбкой. Такую улыбку посылают детям, когда хотят показаться хорошими или безопасными. Однако в голове у девушки уже была превосходная картина, которая доставляла ей некоторое удовольствие: жар огня, что плавит кожу, словно воск. Как оголяются кости и как следом не остаётся ничего. Лишь симфония запахов, что созидало пламя.

Обсуждения постепенно стихали. Многие садились на пол полукругом или вовсе переходили в стадию принятия, одаривая всех вокруг бесцветным взглядом.

С потолка начали сыпаться мелкие камни и грязь, что накапливались с чёрт знает каких времён. Небольшая дверца, скрипя, медленно отползала вдоль стен, оставляя в потолке небольшой зазор. В динамиках раздалось шипение, и следом снова — манящий голос оратора.

— Итак. Надеюсь, вы успели познакомиться и подружиться. Потому что дальше вас ждёт увлекательнейший аттракцион под названием «Было-стало». Но перед тем как я объ-

ясню вам суть, рекомендую всем заткнуться и обратиться во внимание.

На несколько минут воцарилось молчание. С потолка, медленно пошатываясь, стал выезжать огромный экран с ярко-красным логотипом. На нём был изображён увесистый молот, лежащий на большой наковальне, а вокруг лились реки крови.

«Жутковато. Нас ждёт что-то, что повлечёт увечья? Что за дрянь здесь творится и какого — сдержав позыв крепко выразиться, Давин продолжила размышлять: — Почему вообще какой-то псих считает, что мы чуть ли не его зверюшки? Что нам можно говорить, что делать, и мы станем прыгать? Ублюдок. Только покажись.»

Когда экран наконец коснулся пола, изображение на нём замелькало, пошло рябью. Режущий, резкий звук разнёсся из всех динамиков, оглушая толпу. Давин расслышала крик.

«Неужто здесь есть даже те, кто настолько пугается до крика, — усмехнувшись, она обернулась и на мгновение замерла.»

На полу, почти посередине помещения, лежала молодая, или даже маленькая, девочка. На вид Давин дала бы ей от силы 15–17 лет. Её белый тенистый костюм был больше похож на серый, а синие волосы становились фиолетовыми от жидкости, вытекающей из её ушей и носа.

Давин несколько раз моргнула, не веря глазам. Вокруг де-

вочки собрались зеваки. И лишь двое проявили как будто бы искреннее участие. Молодой парень, присев на одно колено, протянул два пальца к её сонной артерии, прощупывая пульс. Его губы вытянулись в тонкую линию.

— Пульса нет, — холодно и почти отстранённо констатировал он.

— Что? Как? Дай я! — Мужчина в деловом костюме опустился на согнутых в коленях ногах и взял кисть девочки в свои руки. Обхватил запястье и прижал большой палец к её артерии. Прикрыл глаза. Тяжело вдохнул, повторил: — Пульса нет.

Вокруг началась новая волна волнений. Один за другим люди начинали кричать, молить, плакать и впадать в ярость, стараясь собственными кулаками проломить толстую бетонную стену. Давин наблюдала за происходящим с тихой яростью. Не давая той затмить свой разум, как и страху, что клубился где-то внутри её солнечного сплетения. Краем глаза она заметила картинку на экране: множество мониторов, на которых были они. Все они. Двигались с задержкой, но в точности. В центре стола восседал человек в тёмно-фиолетовом пиджаке и маске бледного, почти белого цвета. Маска, разукрашенная разнообразными красными узорами, больше напоминающими руны. На светло-лиловой рубашке сидела декоративная бабочка с фиолетово-сиреневыми крыльями с чёрной окантовкой.

Откинувшись в кресле, фигура на экране вскинула руки,

радостно воскликнув:

— Вот это поворот! Неужели так мало нужно, чтобы просто откинуться в подобном месте? Самой-то не стыдно? — Человек на экране сделал вид, будто вглядывается и осматривает пространство вокруг всех стоящих людей, водя головой. — Хотя, кажется, ей уже всё равно! — Он снова откинулся в кресле и расхохотался. Затем, резко оборвав свой смех, рывком двинулся к камере, что снимала его для людей: — Ну что ж. Первая кровь пущена, пора начинать, дамы и господа.

Нарочито вальяжно поднявшись с кресла, человек отодвинул его в сторону, убирая от обзора камеры. Выпрямился, сложив руки за спиной, и поклонился.

— Первый акт завершён. Да начнётся же второй акт!

АКТ II

Молодой мужчина встал перед зеркалом, разглядывая своё отражение. Он обратил внимание на съехавшую немного набок бабочку, легким движением поправил. Следом поправил и без того идеально выглядевшие лацканы фиолетового пиджака и лиловой рубашки. Проверил пуговицы, протер до блеска. Покрутил из стороны в сторону головой, изучая своё, по его мнению, прекрасное лицо.

— Идеален. Впрочем, разве могло быть иначе? — улыбнувшись уголком губ, он отвернулся от зеркала, провожая свой образ взглядом.

Сделал несколько шагов по помещению, увешанному мониторами, и стал разглядывать людей, которые, словно мыши, разбрелись по разным углам не особо большого помещения. Изучал, подмечал, интересовался: для него это было чем-то занятным и интересным. Он не понимал, почему его боятся, — что в этом такого?

На начальном этапе была его грандиозная задумка, которую он мечтал осуществить вот уже много лет. Кажется, даже с того момента, как помнил себя основательно, — лет с пятнадцати. Он хотел увидеть радость на лицах тех, кто будет с ним играть. Ну и что, что насмерть? Важна ли их жизнь как таковая? Вот его — определённо. Их? Ну, возможно, но очень маловероятно.

Мужчина прильнул к одному из мониторов. Его привлекла группа людей: судя по их движениям, они что-то обсуждали. Сильно жестикулировали и хватали друг друга.

— Интере-е-есно, — протягивая слово и не отводя взгляда, он нащупал клавиатуру. Добавил звука камере, наиболее близкой к толпе, и начал вслушиваться.

— Что ты такое говоришь? Грязный рот, да и только! — девушка с почти белыми волосами и по-настоящему широкими голубыми глазами ткнула пальцем в парня. На её милостивом лице читались гнев и ярость, но злой она всё равно не выглядела.

— Ха! Что я говорю? Ничего такого, чего не могло бы быть! Неужели ты правда думаешь, что твоё бледное рыльце кого-то обманет? Не так ли выглядят настоящие психи? — он театрально приложил ладонь к груди, приподнял лицо и искажил голос: — Ах, я такая невинная, помогите мне! Ах!

— Да ты! Да что ты!.. — пыхтя от ярости и растеряв весь словарный запас, девушка размахнулась и вlepила парню лёгкую пощёчину.

Ведущий сложил руки в замок и залился задорным смехом.

— Вот так, молодец! Продолжай, милая! — не переставая улыбаться, он жадно вслушивался в перепалку.

Парень ошеломлённо прижал ладонь к щеке и, шурясь, уставился на девушку.

— Ты совсем с ума сошла? Жить надоело?

Девушка сжалась от испуга, прижала ладонь к груди и попыталась.

— Или думаешь, раз ты женщина, я не ударю в ответ? Ты забыла, где мы? — он ощерился и шагнул к ней. С каждым шагом будто раздувался от гнева. Наконец остановился рядом, нависнув над ней, и посмотрел сверху вниз, не опуская лица.

Мужчина у мониторов подался вперёд, впиваясь взглядом в экран. Он гадал, с какой силой парень ударит эту миловидную девушку: так, что она отлетит, или со всей мощи — на смерть. Где-то под рёбрами зарождался азарт. Он даже пожалел, что рядом нет никого, чтобы сделать ставку. Грустно выдохнув, он опустил голову на ладони, продолжая слушать и наслаждаться происходящим.

Короткий взмах — и удар.

— О-о-ох! — ведущий подпрыгнул от восторга и захлопал в ладоши. — Вот это да!

Тот, кто собирался ударить девушку, отлетел назад и рухнул на пол. Приподнявшись на локте, он уставился на того, кто едва не отправил его в нокаут.

— Чего? Ты кто вообще такой и зачем лезешь, а? — собравшись, он протёр ушибленную челюсть и сплюнул кровь себе под ноги. — О! Меня зовут Илай. Рад познакомиться, уважаемый. А ещё я тот, кто не любит, когда обижают дам, — светловолосый парень медленно и слишком уж вальяжно подошёл к парню на полу, остановился и склонился над

ним. Его лёгкая улыбка и искрящийся взгляд мгновенно потухли. Улыбка исчезла, уступив место брезгливо приподнятой губе. Он понизил голос так, чтобы слышал только собеседник: — Такая падаль, как ты, вообще недостойна моего внимания. Но раз уж ты его получил — он коротко вздохнул и чуть склонил голову набок. — Я обглодаю каждую твою кость, если ты хоть раз даже дыхнёшь в сторону неё или любой другой особи женского пола. Повторить на французском или на каком-нибудь другом языке?

Сидящий на грязном полу парень почти не дышал. Он ловил каждое слово, и страх в нём был такой, какой испытывает мелкий зверёк перед хищником. Он лишь молча кивнул.

Илай выпрямился, упёр руки в бёдра.

— Рад, что мы поняли друг друга, друг. Поднимайся. Может, представишься? Вообще-то бить людей не входило в мои планы. Прости, — его лицо оставалось холодным, но в голосе появились лёгкие весёлые нотки — так, что со стороны он казался просто защитником.

Они протянули друг другу руки.

— Я — Алекс. Александр, — голос его звучал тихо, но этого хватило, чтобы имя услышали все.

— Приятно познакомиться, Алекс! — Илай дёрнул его за руку, помогая подняться, притянул к себе и тихо шепнул на ухо: — Надеюсь, ты больше не станешь поступать опрометчиво.

Тейн смотрел на происходящее вокруг, а в голове крути-

лись несвязные мысли: «Что? Где? Как? Куда? Зачем?» Он наблюдал со стороны. Что делать — остановить, вмешаться? Нет. Не стоит. Терпение куда важнее. Выжидание и, самое главное, скрытность — своих намерений, эмоций и желаний. Он шагнул — короткий шаг в сторону двух парней. Чуть приподнял руку в знак добрых намерений, приоткрыл рот... и промолчал. Остановился, затем отступил обратно в тень.

«Нет. Не сейчас».

В тени он слился с окружением. Облокотился о стену, сложил руки на груди. Чёрные волосы, собранные в хвост, струились по плечу к груди. Разные глаза, по-кошачьи яркие, светились в темноте, улавливая каждое движение в помещении. Он слегка щурился, а на лице играла лёгкая улыбка.

Тейн перевёл взгляд на девушку, которая, как ему казалось, «удачно» избежала проблем. Она прятала не просто улыбку — скорее, ухмылку — на своём миловидном лице.

«Кажется, её зовут Деон. Странная особа. Выглядит милой, а на деле довольна тем, что сделал Илай. Хм». — Что ж, полагаю, первые дебютанты выбраны. И, признаться честно, вероятность того, что вы не облажаетесь, крайне мала, — Ведущий вздохнул с грустью. Однако глаза продолжали улыбаться.

— Ведь вы привыкли поддаваться импульсу. Действовать на эмоциях. Да, Деон? — он склонил голову набок и уложил щеку на свою ладонь. Пальцы кисти обрамляли лицо, удерживая.

живая выбившиеся пряди, а мизинец поглаживал губы.

Деон напряглась. С силой прикусила внутреннюю часть щеки. Ногти впились в ладонь от сжатия в кулак.

«Молчи, молчи, глупая!»

— Так вот, эта импульсивность может сыграть с вами злую шутку. И её нужно искоренить. Как стать тенью, о которой шепчутся лишь при свете дня? Тем, кем пугают детишек перед сном, внимая к их разуму? Когда вы от обычной и, признаться, неумелой провокации готовы устроить такой.. ммм... фарс? Хотя знаете, даже если никто из вас не справится, я не буду разочарован. Если вы покажете мне всю страсть, всю ярость или, быть может, всё отчаяние, вложенное в предательство ради выживания? Ах, как бы это было прекрасно! — ведущий сел ровно, расправил плечи и сложил перед собой пальцы в замок. — Я с нетерпением жду вашего выступления, господа и дамы!

Экран погас. В затхлом сыром помещении понемногу стал нарастать шёпот обеспокоенных людей. Сначала пару голосов и тихо, но с каждым словом — всё громче и всё активнее включались в поток негодования люди. Некоторые так и во все стали прятаться: вдруг ведущий их не приметит? Вдруг удастся скрыться за чьей-то спиной? Ведь таковы правила. Никто не осудит.

Тейн склонил голову. Тихо выдохнул, прикрыв глаза. Расслышав краем уха слабое шарканье, он поднял взгляд на фигуру, которая двигалась в полумраке.

«Доигрались.? Что это еще за солнышко вышло из-за тучи? Его кто-то пожевал и выплюнул?»

Пожевав губу, он продолжил всматриваться в тускло освещённое помещение.

«Кажется, импульсивность в этом месте — обычное дело. И быть тенью — оксюморон¹».

Рослый мужчина шагнул под тусклый свет единственной одиноко качающейся под потолком лампочки. Он был на голову выше почти всех присутствующих в помещении. Рыжие короткие волосы переходили в густую бороду. Его лицо всё в рваных шрамах. Один глаз так и вовсе не видел. Он двинулся к Илаю и Алексу, расталкивая всех, кто мог мешаться под ногами.

— Чё с вами не так, придурки? Спокойно не сиделось? Принципиально надо было проверить, чьи яйца больше? — он вспылil. Ноздри широко раздувались. Взгляд блуждал от одного парня к другому. — И что молчите? Довольны?

— Ты кем будешь, дядь? — лицо Илая из приветливого и размеренного ожесточилось. Улыбка пропала, а глаза сузились, потемнели.

— Тем, кто сейчас тебя припечатает мордой в пол и глазом не моргнёт. Ещё вопросы есть?

— О, безусловно, — Илай оскалился, опустил лицо немного вниз, подняв взгляд исподлобья на стоящего перед

¹ Оксюморон — это стилистический прием, сочетающий слова с противоположным значением, который подчёркивает парадоксальность явления.

ним громилу.

— Задавай, раз бесстрашный такой.

— Как считаешь, крови в тебе больше, чем в... — он обвёл взглядом ближайšie фигуры и указал кивком в сторону Деон, — чем в ней?— Чё?

Илай шагнул ближе к провокатору не поднимая головы. Каждое слово произнес медленно, с ледяным спокойствием отчеканивая каждую букву. В глазах не было ни одной эмоции, пустота.

— Не отойдёшь — придётся проверить.

— Э? — мужчина приподнял бровь и усмехнулся. — Угрожаешь? Совсем себя не ценишь, геройчик? — сказав это, он звонко расхохотался, не сводя глаз с парня, который также не сводил взгляда с него.

Досье: Тейн Мирон

Дата: Сегодня

Имя субъекта: Тейн Мирон

Пол: М

Возраст: 24

Информатор: «Пепел»

Заметка: Одиночка

Наблюдение:

Тейн никогда не был своим среди людей. Ему всегда нравилось одиночество, поиск себя, поиск идей для развития или занятия программированием. Тихое жужжание системника или ноутбука успокаивало его лучше, чем тысячи сериалов или слов.

Когда он был совсем маленьким, он впервые понял, чем хочет стать и кем должен быть. Его кумиром во всём этом выступал отец. Именно он познакомил его с техникой, с интернетом, с поиском информации. Любимая цитата отца для него стала: «Если узнал что-то ценное, сначала пойми, как это использовать». Так Тейн и продолжил поступать по жизни.

Основным родом занятий стал поиск информации. А чтобы находить действительно ценные сведения, он развивался всесторонне. Ведь зачем говорить вслух, если клавиатура и пальцы, монотонно постукивающие по клавишам, могут сказать куда больше, чем лживые слова людей.

Он любит тишину, аромат сирени и редкий звук ветряных колокольчиков, раскачивающихся на ветру. Котов. В них он видит умиротворяющее спокойствие и цельность. Аккуратны, грациозны, опасны.

Не любит шум, создаваемый людьми, панику и суету, наглость и нарушение личных границ. И особенно — когда кто-

то лезет в его голову, неважно с какими намерениями.

***Заметка ведущего:** Ох, какой интересный индивид! Каково же ему будет в нашем, пусть и совсем не узком, кругу? Великолепно, «Пепел». Мы такого возьмем. Устроим ему «Краш-тест»! Одиночка, да ещё с принципами! Уже хочу его сломать, дрожу от предвкушения!. Пусть попробует сохранить свои границы в ситуациях, которые для него создам я.*